

The Slavization of the Russian North: Mechanisms and Chronology. Die Slavisierung Nordrusslands: Mechanismen und Chronologie. Славянизация Русского Севера: механизмы и хронология. Ed. by / Hrsg. von / Под ред. J. Nuorluoto (= *Slavica Helsingiensia* 27 [advisory board of this volume: G. Holzer, P. Ф. Касаткина, Н. А. Макаров, R.-P. Ritter]), Helsinki (Helsinki University Press) 2006, 377 p.

Очередной, 27-й, том серии *Slavica Helsingiensia* содержит статьи, большинство которых отражает тексты докладов международной конференции в Ламми (биологическая станция Хельсинкского Университета), состоявшейся 22 – 25 сентября 2005 г. Название конференции вынесено на титульный лист сборника, который отличается тематической широтой представленных публикаций: в них рассмотрены славяно-финно-угорские, славяно-балтийские и славяно-германские языковые связи, диалектология северновеликорусских говоров, языковая типология (преимущественно на материале славянских и финно-угорских языков), финно-угорская субстратная топонимика русского Севера, его история и археология в свете славяно-финно-угорских контактов, генеалогия древнего Новгорода. Наибольшее количество работ посвящено славяно-финским языковым связям, которые рассматриваются на материале топонимики финно-угорского происхождения и славянских заимствований в финские языки. В предлагаемой рецензии кратко описывается содержание статей, вошедших в сборник.

Сборник открывается статьей А. Альтквист (А. Ahlqvist, Helsinki) „Ancient Lakes in the Former Finno-Ugrian Territories of Central Russia: An Experimental Onomastic-Palaeogeographical Study“ (p. 11–49), которая интересна необычной методикой сбора материала: для выявления ранее неизвестных субстратных топонимов автор использует результаты палеогеографических и палеоботанических исследований. Естественнонаучные методы позволили определить, правда, с разной степенью достоверности, что на месте некоторых современных болот и низменных лугов в Центральной России ранее находились озера. Благодаря полученным данным А. Альтквист ввела в научный оборот и этимологизировала целый ряд новых субстратных топонимов финно-угорского происхождения, содержащих в своей структуре элементы *Jaxr(V)-*, *-(V)xra*, *-(V)xro* „озеро“ или „another basic element, *-er(V)*, *-or(V)*, forming lake names of substratum origin“ (p. 12), „this basic element can be compared to, especially, the Volgaic equivalents of the ... root **järwä* ‘lake’“ (p. 17). В статье предложены этимологии топонимов *Кромница* (болото в Угличском районе Ярославской области; *Krómnica* ← *Xr(V)-*, *Kr(V)-*, *Gr(V)-* от **Jaxro-*, **Jagro-* „озеро“), *Вожжерка* (река в Гутаевском районе Ярославской области и низменная болотистая равнина, в которой она протекает; *Vóžerka* ← исконное *Ožerka* без протетического согласного, ср. варианты *Ožerka*, *Īzerka*, *Ūzerka*, *Ūšerka* ← **Ož* „белый“ [ср. марийское *ošo* „белый, чистый“ и др.] + *-er(V)* „озеро“, „assuming that this name has the Russian suffix *-ka* and not an equivalent to the Mordvin *-erke*“ [p. 28]), *Ижерь* („very small mire“ [p. 29] в Ростовском районе Ярославской области; относительно первого элемента топонима ср. выше этимологию *Ožerka* и его вариант *Īzerka* [p. 30–31], „a basic element -eĭ meaning ‘lake’... can clearly be distinguished“ [p. 30]), *Оуара* (низменный луг в Ростовском районе Ярославской области; *Ošára* ← *oš* „белый“ + *-ar(V)* „озеро“), *Семиградово* (болото в Переславском районе Ярославской области; *Semigrádovo* ← **Semigra* [**Simigra*] ← **Semixra* [**Simigra*] ← *Sem(V)-*, *Sim(V)-* „a Finno-Ugrian substratum place name root ... meaning ‘black’“ [p. 35] + *-(V)gra* ← *-(V)xra* „озеро“), *Сумерь* (болото и вытекающее из него река в Пушкинском районе Московской области; *Súmerĕ* ← *Sem(V)-*, *Sim(V)-* „черный“ + *-er(V)* „озеро“).

Финно-угорская субстратная топонимика исследуется также в статье Е. А. Хелимского (Е. Helinski, Hamburg) „The “Northwestern” Group of Finno-Ugric Languages and its Heritage in the Place Names and Substratum Vocabulary of the Russian North“ (p. 109–127). Статья, как ее видит сам автор, написана в развитие исследований главы Екатеринбургской (Свердловской) топонимической школы А. К. Матвеева, которые „make it expedient and even necessary to introduce the new notion of the Northwestern ... group of the Finno-Ugric ... languages“ (p. 110; разрядка автора). На основе лексических и

фонетических особенностей Е. А. Хелимский делит эту группу на несколько ветвей („branches“): прибалтийско-финская („Fennic“, „Baltic Fennic“), лапская, или саамская („Lapp“, „Sámi“), лопьская („Lop“), тоймская („Toima“), мерянская („Merua[nic“); к северо-западной группе финно-угорских языков относится также ныне утраченная ветвь, следы которой просматриваются в тверском диалектном *višua*, *višiv* „речная зелень“ (финно-угорское **viša* > прибалтийско-финское **viha*) (р. 110–112). В рамках предложенной классификации Е. А. Хелимский устанавливает западно-финно-угорские источники северно-русских *-(i)ga*, *-nya* ← детерминатив *juga* ← **juka*, **n juka* „река“ (где *n* – показатель родительного падежа); *Ухта* ← **uktz* „дорога, путь“, ср. также уральское **ukti*; *Ундю*, (?) *Ондо*, (?) *Андо* ← **õnto* „финский суффикс *nomina loci*“; *-(о)ккал(о)кия* ← **õksi* „струя, поток, течение“; *Лача* ← **lačz* „гнилой“; *Вожже* ← **wo-še(k)*, **woši* „ветвь, ответвление; изгиб, крюк“; *почча* „залив; (высохшее) русло реки“ ← *počja* „узкий конец залива, длинный узкий залив (диалектное)“; *Вага* ← **waka* „прочный, постоянный“; *Кенозеро* ← *keno* „изогнутый“.

Тема субстратной топонимики Русского Севера развивается и в статье В. Б. Крысько (Москва) „Еще раз об *Имоволожи*“ (с. 222–233). Вынесенный в заголовок статьи топоним интересен тем, что, согласно писцовою записи, он называет место создания одной из древнейших по своему языку и составу славянских праздничных миней, известной ныне как „Ильина книга“ (Российский Государственный архив древних актов, ф. 381 [Тип.], № 131; XI – XII вв.). Топоним связан с современным озером Имоволожье в Вышневолоцком районе Тверской области и находившимся там Имоволожским погостом. Согласно предложенной В. Б. Крысько этимологии, первая часть топонима *Имоволожье* восходит к антропониму *Hima* „желанный, долгожданный“, тогда как вторая часть отражает прибалтийско-финский элемент *-valta*, который в составе прафинских имен-композигов обозначает „власть, господство“. В результате становится возможным убедительное сближение образованного по продуктивной модели с адъективным суффиксом **j* притяжательного прилагательного *Имоволожье* „принадлежащий **Имоволоду*“ с предполагаемым **Himavalto* „властолюбивый“.

И. Муллонен (Петрозаводск) в статье „Фонетическая интеграция прибалтийско-финской топонимии в русскую топонимическую систему Заонежья“ (с. 282–292) исследует вопросы фонологической адаптации иноязычной лексики в согласии с внутренними законами заимствующего языка и возникающие при этом условия для народной этимологии. Среди многих ценных наблюдений обращает на себя внимание передача прибалтийско-финского (карельского) *e* с помощью русского *ы*. „Видимо, в данном факте отразилась более задняя огласовка карельского *e* на фоне русского“ (с. 283), что, на наш взгляд, свидетельствует о восприятии фонемного вокалического признака в языке-источнике как консонантного дифференциального признака в воспринимающем языке, а значит, фонологическая адаптация в этом случае происходит на уровне слога. Рассмотренные исследователем эти и иные закономерности фонологического освоения финно-угорской топонимики на русской почве позволяют в ряде случаев определить именно карельский (не вепсский) источник заимствования.

В статье Я. И. Бьёрнфлатена (J. I. Bjørnflaten, Oslo) „Chronologies of the Slavicization of Northern Russia Mirrored by Slavic Loanwords in Finnic and Baltic“ (р. 50–77) славянские заимствования рассматриваются в контексте относительной хронологии праславянских фонологических явлений и делятся на несколько слоев: 1) заимствования, сохраняющие группу согласных **tj*, 2) заимствования, сохраняющие исконные дифтонгические сочетания с плавными, 3) заимствования, сохраняющие рефлексы исконных носовых гласных, 4) заимствования с *a* как рефлексом праславянского небиализованного **ǎ*, 5) заимствования с *ää*, отражающим славянское *ě*, 6) христианская терминология, 7) заимствования, отражающие исконные *ъ* и *ь* в виде *u* и *i*. Наиболее архаический с историко-фонологической точки зрения пласт славянских заимствований представлен в „северной“ (Northern), или, в другой терминологии, прибалтийско-финской, группе финно-угорских языков, в частности, в финском, карельском и вепском. Автор приходит к выводу, что этот пласт отражает контакты западных славян с финским населением балтийского побережья, а значит, „if this argumentation holds true, the most archaic Slavic material in Finnic has nothing to do with the encounter between Proto-Finns and East Slavs“ (р. 73). Для истории древнейших северных и северо-западных диа-

лектов восточнославянского ареала и их связей с западными славянами важен следующий вывод Я. И. Бьёрнфлатена: „The fact, that there is less archaic Slavic material to the south of the Finnic languages ... can only call for the conclusion that this area as a migration route to the northwestern Russia has to be excluded ... an eastern route of migration has to be posited“ (p. 73–74).

Со статей Я. И. Бьёрнфлатена тематически наиболее тесно связаны две другие работы, или существенно уточняющие результаты, полученные норвежским славистом, или даже противоречащие им: П. Каллио (P. Kallio, Helsinki) „On the Earliest Slavic Loanwords in Finnic“ (p. 154–166) и Й. Койвулехто (J. Koivulehto, Helsinki) „Wie alt sind die Kontakte zwischen Finnisch-Ugrisch und Balto-Slavisch?“ (S. 179–198). П. Каллио рассматривает древнейшие славянские заимствования в финских языках как заимствования из „прарусского“ (автор пользуется термином „Proto-Russian“ как переводом введенного В. Кипарским понятия „Urussisch“), точнее, из языка восточных славян, что противоречит упомянутым выше результатам Я. И. Бьёрнфлатена. Устанавливая фонетические соответствия между финскими и восточнославянскими формами, П. Каллио предлагает уточненную, по сравнению с В. Кипарским, модель древнерусского вокализма. Далее, полагая, что первая волна славянизации Севера должна быть отнесена к V в., П. Каллио пишет, что „while the earliest Slavic loanword stratum in Finnic could thus be dated to the fifth century AD, a few isolated Slavic loanwords in Finnic might be considered even earlier“ (p. 157). В этом утверждении виден некий композиционный или логический сбой, так как столь ранняя датировка первых языковых связей противоречит ранее высказанным наблюдениям о восточнославянском источнике заимствований. В подтверждение столь ранних связей автор подробно рассматривает ряд славянских заимствований в финском языке: *уго* – *ies* (с отражением исконной основы на *-es* индоевропейского происхождения); древнерусское *чмель* „шмель“ – *kimalainen* („the diminutive suffix *-[i]nen* is added to nearly every Finnish insect name“ [p. 158]); древнерусское *жерьдь* – *hirsi*; *щука* – *hauki*; *Двина* – *Väinä*; *пуда* – *rauta*; *пушуть* – *rouhia*; польское *wart* „течение, поток“ – *virta*. В вышеназванной статье Й. Койвулехто также развиваются идеи о древнейших славяно-финно-угорских языковых контактах, предшествовавших, по мнению автора, середине первого тысячелетия AD. При этом обращается внимание на некоторые данные, не учтенные в работе Я. И. Бьёрнфлатена (p. 50–77) и имеющие, как кажется, значение для относительной и абсолютной датировки этих связей. На примере ряда этимологий Й. Койвулехто доказывает, что славянские заимствования в финно-угорские языки отражает не состояние праславянской фонологической системы, при котором сохранились а) оппозиции по долготе; б) группы согласных типа **dl* (что само по себе может указывать на западно-славянские языки как на источник заимствования, а не на древность контактов; ср. вышеупомянутую работу Я. И. Бьёрнфлатена. – *Р. К.*); в) дифтонги и дифтонгические сочетания. Если все учтенные автором этимологии верны, то они указывают не только на ранне-праславянскую, но на балто-славянскую эпоху как время первых языковых связей между славянами (балто-славянами) и прафинно-уграми. Нужно, однако, заметить, что исследования в области археологии, опубликованные в рецензируемом сборнике, не дают никаких оснований для предположения о столь ранних связях между (балто-)славянским и прафинно-угорским (см. ниже). Однако, Й. Койвулехто, без опоры на археологические данные, указывает далее: „Aufgrund eines weiteren etymologischen Materials, das ich an anderen Stellen vorgelegt habe, hat es frühfinn./finnisch-ugrische Kontakte mit solchen westlichen indogermanischen Mundarten gegeben, aus denen sich das spätere Balto-Slavische und das Germanische herausgebildet haben“ (S. 193; в статье приведены ссылки на ряд более ранних публикаций автора). Корректной оценке явных противоречий между опубликованными в одном сборнике статьями Я. И. Бьёрнфлатена, с одной стороны, и П. Каллио и Й. Койвулехто, с другой стороны, мешает отсутствие перекрестных ссылок в статьях всех трех авторов (П. Каллио и Й. Койвулехто учитывают публикации друг друга,

что очевидно, так как они взаимно поддерживают и дополняют полученные обоими авторами результаты)¹.

В статье Г. Хольцера (G. Holzer, Wien) „Methodologische Überlegungen zur Auswertung der slavisch-baltischen und slavisch-finnischen Lehnbeziehungen für die slavische Siedlungs- und Lautgeschichte“ (S. 128–139) праславянские заимствования в балтийские и финно-угорские языки рассматриваются как „ein erprobtes Mittel, um die Expansion des Slavischen und seine Lautgesetze zueinander in eine chronologische Beziehung zu setzen“ (S. 128). В центре внимания автора находится северная экспансия славян и возможности ее соотношения с праславянскими фонологическими изменениями. При ее изучении автор учитывает два методологических ограничения: 1) языковые изменения затрагивают не язык, но ареал, причем ареал языкового изменения может быть меньше ареала распространения языка, совпадать с ним или захватывать разные языки (в последнем случае складывается языковой союз); 2) заимствования могут распространяться не в процессе непосредственных контактов, когда носители языков занимают одну общую или смежные территории, но в результате торговых или военных экспедиций (в случае со славянско-балто-финскими связями важно учитывать то, что ареалы всех языков были связаны водными путями, благодаря чему формировался общий географический континентум и языковые связи становились возможны до начала северной славянской экспансии). С учетом сделанных ограничений и на основе анализа славянских заимствований в финно-угорские и балтийские языки Г. Хольцер приходит к выводу, что северная экспансия славян проходила до первой палатализации, а значит, и до перехода **ē* в **ā* после палатальных и монофтонгизации дифтонгов. Следовательно, как показывает автор, северная экспансия была более ранней, чем южная и западная, которые имели место после первой палатализации, но до перехода **ē* в **ā* после палатальных и монофтонгизации дифтонгов.

Проблемы ареальной лингвистики рассматриваются в работе Е. Стадник-Хольцер (E. Stadnik-Holzer, Berlin) „Zur Frage nach der Herkunft der sog. postponeden Partikel in den nordrussischen Dialekten“ (S. 347–354). Автор приводит типологические данные, касающиеся употребления постпозитивных частиц, аналогичных, по мнению исследовательницы, русскому *-to*, в урало-алтайских и финно-угорских языках. Территория распространения этих языков рассматривается, в развитие других исследований Е. Стадник-Хольцер, как один евразийский языковой ареал. Автор приходит к выводу, что постпозитивная частица как один из характерных элементов этого ареала берет начало в агглютинативных, а не во флективных языках. В статье описывается особый „северно-русско-финский подареал“ („nordrussisch-finnisches Teilareal“ [S. 350]), в котором функции и употребление постпозитивных частиц, аналогичных русскому *-to*, имеют общие черты. Исследовательница считает, что в рамках евразийского языкового ареала существует „ein nordrussisch-finnisches Kontaktgebiet in Nordosteuropa, für das ein finnisches Idiom als Gebersprache anzunehmen wäre“ (S. 353). Думается, что если бы автор учла общерусский характер распространения частицы *-to* и рассмотрела бы ее в перспективе русской исторической грамматики и лексикологии, то содержание тезисов о „северно-русско-финском подареале“ и „северно-русско-финской контактной зоне“ претерпело бы существенные изменения.

Статья главного редактора сборника Ю. Нуорлуото (J. Nuorluoto, Helsinki) „Is there a Sound Change of “*e* > *o*” in Russian?“ (p. 293–308) обращает на себя внимание не только парадоксальным и даже отчасти провоцирующим названием (положительный ответ

¹ В целом, в рецензируемом издании, статьи в котором четко разделяются на тематические блоки (публикации расположены согласно алфавитному порядку фамилий участников), не часто встречаются примечания, отражающие происходившие во время конференции дискуссии или содержащие ссылки на близкие по тематике статьи сборника. Мне удалось заметить четыре случая (Крысько, с. 227; Kopotev, p. 197; Carpelan, p. 92; ссылка на: Uino, p. 355–373; Holzer, S. 139; ссылка на: Sitzmann, S. 341–346).

на поставленный риторический вопрос кажется очевидным, – по крайней мере, до прочтения статьи ...), но прежде всего оригинальным и вместе с тем компетентным пересмотром условий, при которых совершался в истории русского языка переход $e > o$. Опираясь на идеи Ф. Мареша о праславянской тембровой корреляции гласных, автор видит истоки этого процесса в позднепраславянском периоде. Согласно предположенной гипотезе, переход $e > o$ после палатальных следует описывать следующим образом: $*\ddot{a} > *ā (> \delta)$. Первая стадия этого процесса рассматривается как нейтрализация оппозиции $*\ddot{a} - *a$ в сторону немаркированного члена после δ, ζ, \check{c} , которые, как считает Ю. Нуорлуото, были фонетически мягкими, но фонологически твердыми, так как находились вне корреляции по твердости – мягкости. Вторая стадия процесса представляется в этом случае как лабиализация \ddot{a} . Переход $*\ddot{a} > *ā (> \delta)$ отделяется автором от изменения $e > o$ после палатализованных согласных, которое происходило после утраты тембровой корреляции гласных. Обращаясь далее к идеям Г. Ю. Швелева о межслоговом взаимодействии как основном факторе перехода $e > o$ в разных позициях в русском языке, Ю. Нуорлуото предлагает видеть здесь влияние финно-угорского субстрата, так как финно-угорским языкам свойствен межслоговой сингармонизм. Таким образом, изменение, которое традиционно описывается как переход $e > o$ в русском языке, представляется автором как разные фонетические процессы, происходившие в разные исторические эпохи и обусловленные разными факторами.

Две статьи сборника посвящены славяно-германским языковым связям. И. Кошкин (Рига) („Проблема относительной хронологии германизмов в языке древнерусских договорных грамот северо-западного ареала“ [с. 210–221]) рассматривает источники и хронологию заимствования древнерусского *мѣтель* „плащ, накидка“, которое ранее вызывало ряд затруднений в связи с предполагавшимся фонетически незакономерным соответствием $e \leftarrow an$ (ср. средненижнемецкое *mantel* от латинского *mantellus, mantellum*). Как доказывает автор, источником славянского заимствования следует считать северногерманскую, древнефризскую, форму *mentel*, что становится еще более вероятным, если учесть „ту роль, которую играли древние фризы в торговле в регионе Северного и Балтийского морей в период, хронологически соотносимый с периодом заимствования ...“. Древнефризские правовые тексты ... содержат контексты, аналогичные древнерусскому контексту договорной грамоты, где встречается слово *мѣтель*“ (с. 218). Статья А. Зитцмана (A. Sitzmann, Wien) „Altrussische Städtenamen in alt(west)-nordischen Quellen“ (S. 341–346) посвящена идентификации упомянутых в скандинавских источниках славянских городов, фонетической адаптации топонимов и германо-славянским фонетическим соответствиям, случаям народной этимологии. В исследовании рассмотрены топонимы *Aldeigja/Aldeigjuborg – Ладога; Hölmgarð „Inselburg“ – Новгородъ* (автор считает допустимым ранее высказанное мнение, что германская форма может отражать первоначальное славянское название города засвидетельствованное славянскими источниками; S. 342), *Kænugarðr/Kænugarðr – Киев „kæna bedeutet ‘kleines Boot’ ... Kiev war demnach ein Umschlagplatz für Boote“ (S. 343), Rostofa – Rostovъ* (заимствована форма родительного падежа, закономерная в беспредложном и предложном употреблении при обозначении направлении движения; „die in der Örvarg-Odds saga überlieferte Form *Raðstofa* [‘Ratsstube’] hingegen ist auf Volksetymologie [auf Basis der entlehnten Form] zurückzuführen“, S. 344) и др.

Следующие две статьи интересны совмещением сравнительно-исторического метода и методов ареальной лингвистики и типологии. В работе М. Копотева (M. Korotev, Helsinki) „The Case of *X TAK X*: Typological and Historical Context“ (p. 197–209) рассматриваются логические варианты конструкции типа *X TAK X* (ср. русское *гулять так гулять* и др.) на материале славянских, германских, балтийских и финских языков. На основании логического анализа делается вывод о первичности тех или иных типов данной конструкции в разных языках, которая, как считает автор, заимствована в финские языки из балто-славянского. Отсутствие старославянского и древнерусского материала, по мысли исследователя, объясняется разговорным характером конструкции. Заметим, что корпус источников по истории русского языка все же содержит весьма значительное количество памятников бытовой, или не книжной, письменности, что, на наш взгляд, делает несколько преждевременным суждение о столь древних источниках конструкции типа *X TAK X*. Р.-П. Риттер (R.-P. Ritter, Kraków) в работе „Zum finalen In-

finitiv im nördlichen Ostseeraum“ (S. 322–327) рассматривает супин и его функции в славянских языках (прежде всего в исторической перспективе), финских („Illativ des III. Infinitivs“) и в балтийских. Автор считает, что генерализация инфинитива с твердой основой в ряде северновеликорусских говоров связана не с депалатализацией согласного в аусллауте, а с финно-угорским субстратным влиянием, способствовавшим развитию морфологической аналогии с супинном, вытеснившим исконно палатализованную финаль инфинитива. Сохранение супина, пусть даже в реликтовом состоянии, связано, по мысли автора, с интенсивными языковыми контактами в рассматриваемом языковом ареале. „Es handelt sich mithin lediglich um eine Arbeitshypothese“ (S. 327).

Современной грамматике языка мари посвящена статья М. Сало (M. Salo, Helsinki) „The Derivational Passive and Reflexive in Mari Grammars“ (p. 328–340), в которой содержится подробный анализ грамматических значений морфемы *-alt-*, *-alt-*. Статью предваряет историко-терминологический очерк, раскрывающий приемы описания категорий пассива и рефлексива в языке мари в грамматиках языка мари XIX – XX вв.

В работе М. Пост (M. Post, Tromsø) „The Dialect of Varzuga and its Neighbours“ (p. 309–321) рассматриваются культурные и языковые особенности носителей одного из северновеликорусских диалектов поморской группы. В силу прочных культурных связей жителей Варзуги с коренным финским населением иногда считается, как пишет автор, что варзужане „are hardly part of Russia“ (p. 309). В том, как данная формулировка выражена в статье, не вполне ясно, является ли это парадоксальное мнение одновременно точкой зрения автора. Сами варзужане, правда, говорят, что „Россия начинается за Кольским полуостровом“, считая себя при этом русскими (p. 309)¹. Исследовательница решает данную проблему лингвистическими методами: сравнивая диалектные особенности говора варзужан с другими северновеликорусскими говорами, она приходит к выводу, что „the dialect of Varzuga is hardly different from the neighbouring dialects in Karelia and the Archangel oblast“ (p. 317), более того, „the Russian dialects around the White Sea do not appear to have been substantially more affected by the Sámi and Finnic languages, than other northern Russian dialects“ (p. 316). И все же, по мнению автора, варзужане обладают „многомерной“ („multiple“) идентичностью: „a Russian identity, a Pomor identity, a Ter Coast identity and a village identity“ (p. 318). Исследовательница упускает из вида существенное свойство этих „идентичностей“: важно было бы добавить, что каждый последующий элемент ряда относится к предыдущему как часть к целому, что является проявлением русского языкового, национального и культурного единства.

Проблемам этнического самосознания и национальной идентичности посвящены статьи М. Лейнонен (M. Leinonen, Helsinki) „The Russification of Komi“ (p. 234–245), в которой с социологической и исторической точек зрения рассматриваются процессы преимущественно XVIII – XX в., Д. Г. Линда (J. H. Lind, Odense) „Problems of Ethnicity in the Interpretation of Written Sources on Early Rus“ (p. 246–258), построенной на материале „Повести временных лет“, К. Карпелана (Ch. Carpelan, Helsinki) „On

¹ М. Пост видит в таком определении собственной идентичности специфическую проблему носителей данного диалекта, не учитывая тот факт, что носители разных диалектов русской культуры всегда склонны выделять себя из целой, над-диалектной культуры, объединенной литературным языком. Рецензенту довелось услышать такое, например, шуточное высказывание из уст одного образованнейшего и интеллигентного человека, родившегося в Ярославской области: „Какой же он русский! Он наш, ярославский!“ (речь шла об одном из деятелей русской военной политики середины XX в.). В качестве типологической параллели к поговорке варзужан приходят на ум строки одного безвременно погибшего молодого русского поэта, родившегося в Европейской части России, в Череповце (Вологодская область). Автор так перефразировал известные строки В. В. Маяковского, выразив переживания скорее сибиряков, чем вологодцев: „Я хотел бы жить, жить и умереть в России, если б не было такой земли – Сибирь“ (у В. В. Маяковского: „Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва“, 1925 г.).

Archaeological Aspects of Uralic, Finno-Ugric and Finnic Societies before AD 800“ (p. 78–92). Близкая тематика заявлена и в статье Н. А. Макарова (N. A. Makarov, Moscow) „Cultural Identity of the Russian North Settlers in the 10th – 13th Centuries: Archaeological Evidence and Written Sources“ (p. 259–281), которая отличается подробностью и полнотой использованных историко-археологических данных.

Анализ археологических данных, относящихся к более раннему периоду, содержится в работах М. А. Юшковой (M. A. Juškova, Moscow) „North-Western Russia before its Settling by Slavs (8th Century BC – 8th Century AD)“ (p. 140–153) и П. Уйно (P. Uino, Helsinki) „The Background of the Early Medieval Finnic Population in the Region of the Volkhov River: Archaeological Aspects“ (p. 355–374). В связи с вышеупомянутыми работами П. Каллио и Й. Койвулехто, в которых доказывается особая древность славяно-финских контактов (до V в.), важно общее наблюдение археологов об отсутствии данных, которые могли бы говорить о таких контактах до VI в.

Генеалогия новгородских боярских родов рассмотрена в статье А. А. Гиппиуса (Москва) „Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюратиничей Роговичей)“ (с. 93–108). Анализируя данные письменных и археологических источников, автор приходит к выводу, что потомками Рёгнвальда Ульвссона, двоюродного брата жены Ярослава Мудрого Интигерд, были больше половины новгородских посадников XI – XIII вв., которые уже в XI в. не составляли в Новгороде замкнутого клана, а женились на знатных новгородках, формируя среду местного дворянства.

Статья А. Койвисто (A. Koivisto, Helsinki) „Trade Routes and their Significance in the Christianization of Karelia“ (p. 167–178) посвящена теме, которая, судя по обзору источников, с трудом поддается достоверному изучению. При отсутствии письменных данных наибольшее значение для истории христианства в Карелии приобретает археология, согласно которой распространение христианства в Карелии начинается в XII в., когда меняется погребальный обряд (на смену трупосожжению приходит трупоположение), и наиболее активно длится до XIV в., когда при захоронении в могилы перестали класть личные вещи. До XIII в. нет никаких следов, которые могли бы свидетельствовать об ощущавшемся различии между католичеством и православием. Бедность исторических данных связана и с тем, что основным фактором христианизации края были не постоянные миссии (о церковной административно-территориальной отнесенности Карелии речи вообще не идет), а сопровождавшиеся миссионерами торговые экспедиции.

Сделанный обзор приводит к единственно возможному выводу, что рецензируемый сборник послужит ценным подспорьем для дальнейших исследований в области языков и культур современного Русского Севера и привлечет к себе заслуженное внимание со стороны специалистов разных гуманитарных специальностей.

Роман Н. Кривко
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Волхонка 18/2,
RU-119019 Москва
rkrivko@yandex.ru